

Изображение города в повести "Невский проспект" Н.В.Гоголя

Crnobrnja, Lea

Undergraduate thesis / Završni rad

2020

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:970448>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-12-11**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Изображение города в повести «Невский проспект» Н.В. Гоголя
(Završni rad)

Studentica: Lea Crnobrnja

Mentorica: dr. sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.

Akademska godina: 2019./2020.

Zagreb, rujan 2020.

Содержание

Введение.....	4
Петербург в «петербургском тексте» русской литературы.....	5
Изображение Петербурга в «Невском проспекте».....	7
Искажение реальности петербургского пространства «Невского проспекта».....	11
Герои «Невского проспекта».....	13
Женские образы петербургского текста.....	15
Заключение	17
Список литературы	18
Sažetak	21
Ključne riječi	21
Ключевые слова.....	21
Životopis.....	22

Введение

В данной работе анализируется изображение Петербурга в повести *Невский проспект* Николая Васильевича Гоголя. Данная повесть является частью сборника *Петербургские повести*, сцепляющим моментом которого «остается единый персонаж всех этих повестей – Петербург» (Эмирова 2010), что данные повести позволяет рассматривать художественным единством. *Петербургские повести*, в том числе и повесть *Невский проспект*, принадлежат петербургскому сверхтексту, для которого Петербург является не только темой произведений и фоном для развития сюжета, но и «неким организующим началом» (Вовна 2010: 119).

Начало петербургской темы в русской литературе положил Пушкин, «у которого петербургская тема обрела самодовлеющую ценность и открыла новое широкое пространство для осмысления сути города» (Топоров 2003: 5). Дальнейшее развитие данной темы принадлежит Гоголю и его *Петербургским повестям*. Поэтому, важную роль в оформлении «петербургского текста» сыграли именно Пушкин и Гоголь, в восприятии которых петербургская тема строится на параллели «маленький человек-большой город», в которой город бывает «символом деспотичного государства» (Эмирова 2010).

Для Гоголя Петербург является городом зла, символом всего отрицательного, городом с ненастоящими людьми, в котором царит власть денег, городом без личности. Всё это обнаружено в повести *Невский проспект*, в которой Невский проспект, главная улица Петербурга, является «главной движущей силой сюжета» (Прасковьяна 2010: 786). Он является главным персонажем произведения и не случайно читатель встречает героев именно на Невском проспекте, то есть не случайно Пискарев на этой улице встречает красивую незнакомку, которая обманывает его, а, на самом деле, он бывает обманутым лживым петербургским пространством.

Петербург в «петербургском тексте» русской литературы

Сверхтексты представляют собой «открытую систему текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму» (Шурупова 2014: 28) и оказываются важной частью любой культуры, но и важным фактором для постижения основных закономерностей культуры и культурного кода, «который существует в художественном сознании носителей языка и в многочисленных вариациях проявляется в их произведениях» (там же). Все произведения, которые принадлежат определённому сверхтексту, в данном случае петербургскому сверхтексту, подразумевают некую внетекстовую основу, единый предмет описания, но и единый культурный код, на котором потом строится сюжет.

Любой городской сверхтекст, по словам Ольги Шуруповой, является важным, поскольку «исследование того или иного городского сверхтекста может помочь нам глубже постичь далеко не всегда очевидные особенности национального восприятия данного города» (Шурупова 2014: 29). Выдающийся российский лингвист и филолог и исследователь «петербургского текста» русской литературы, Владимир Николаевич Топоров в книге *Петербургский текст русской литературы: избранные труды* отмечает, что Петербург обладает своим языком, который организован по определённым правилам. Другими словами, он «говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями» (Топоров 2003: 22) и именно это позволяет прийти к выводу, что совокупность текстов о Петербурге в корпусе русской литературы можно считать единым текстом. Связью между текстами являются не автор или жанр, а определённый общий смысл и семантическое ядро, которое относится к некоторым особенностям русской классической культуры, выступающей как основа для строения сюжета. По мнению Топорова «петербургский текст» появился где-то на полпути между объектом, то есть самим Петербургом, и всеми авторами, которыми «петербургский текст» писался. Как будто сам Петербург подразумевает своё собственное изображение. Поэтому поднимается вопрос в чём именно заключается единство «петербургского текста». Топоров отвечает на данный вопрос и подтверждает, что единство «петербургского текста» определяется не только единым объектом описания, а и монолитностью максимальной смысловой установки. Семантическим ядром «петербургского текста» являются характеристики Петербурга, связанные с географическим положением и историческими и культурными факторами.

Внетекстовый субстрат является важным фактором при изучении «петербургского текста», который и сам «обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы» (Топоров 2003: 7).

Когда речь идёт об истолковании «петербургского текста» на первый план выдвигается общее отношение к Петру I, создателю Петербурга, и ко всему петербургскому периоду русской истории в целом. Всё петербургское – чужое, европейское и представляет собой угрозу для русского народа и русской традиции. При формировании «петербургского текста» делается ударение больше всего на отрицательно-затрудняющее, чем на положительно-благоприятствующее, а так же является характерной жизнь на пороге смерти, в безвыходных условиях (там же). Для «петербургского текста» очень важными являются инфернальное и апокалиптическое начала и это обнаружено в *Невском проспекте*, в котором упоминается демон, демоническая сила и жизнь в безвыходных условиях, на пороге смерти.

Придётся определить два главных понятия, о которых говорится, когда речь идёт о теме Петербурга в русской литературе – «петербургский миф» и «петербургский текст». Их следует различать, потому что они относятся к разным уровням художественного текста. Петербургский миф – это «мифологический инвариант не имманентный конкретным текстам, он существует потенциально в рамках определённого типа художественного сознания», как замечает Людмила Полещук (2008: 98). Петербургский текст – это «воплощение этого инварианта на текстовом уровне (при этом материалом для воплощения могут быть отдельные произведения отдельных авторов или же совокупность произведений)» (там же). По мнению Лейлы Эмировой (2010) миф является результатом общенационального потрясения, а формирование петербургского мифа стало следствием осознанного восприятия Петербурга как точки нового исторического отсчета.

В восприятии Гоголя – Петербург обозначает «существо, в котором душа и тело живут обособленно и параллельно, причем первично – тело („Петербург населен людьми-телами“»)» (Эмирова 2010). Поэтому Петербург приобрёл эпитет «бездушный» и в нём «соединение духовного и телесного начал невозможно, так как духовная ипостась города перешла в категории фантастические» (там же).

Изображение Петербурга в «Невском проспекте»

Когда речь идёт о художественном пространстве, тогда можно сказать, что оно «представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений [...], язык этот [...] в большой степени принадлежит времени, эпохе, общественным и художественным группам» (Лотман 1988), то есть он не является индивидуальным языком определённого автора. По мнению Юрия Михайловича Лотмана (1988), значительного советского литературоведа, в *Петербургских повестях* особенно ярко выступает превращение бытового пространства в фикцию, то есть в не-пространство. Это пространство является замкнутым в своей территориальной конкретности и, поэтому заглавием повести является *Невский проспект*. Данная повесть является первой в цикле и поднимает тематику улицы, части города и города целиком, который выдвигается на первый план и становится главным героем.

То, что каждому читателю бросается в глаза при чтении повести *Невский проспект* – это антитетическое отношение между началом и концом, то есть своего рода постепенный переход от положительного Невского проспекта к отрицательному. Другими словами, совершается постепенный переход от положительного отношения к Петербургу к отрицательному (Сичинава 2014). Повесть начинается с удивления и обширного описания Невского проспекта – центральной столичной улицы. «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет всё» (Гоголь 1966: 7). Эта центральная улица, не что иное, как «живое существо, которое по ночам в окружении смрада фонарей и „сгущенного мрака“, шума и гвалта „оживает“ и начинает „шевелиться“» (Эмирова 2014: 113).

В конце повести раскрывается, что, в действительности, нет ничего хуже Невского проспекта в Петербурге и, что Невский проспект олицетворение всех отрицательных характеристик Петербурга. Изображение Невского проспекта в самом конце повести совсем противоположно изображению его в начале.

Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда

сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде (Гоголь 1966: 44).

Наступление сумерек обозначает тот момент, когда Невский проспект приобретает совсем другой характер и изменяет свою суть, поэтому сумерки являются очень важным мотивом в повести.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы и будочник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет (Гоголь 1966: 12).

Рядом с мотивом сумерек появляются и мотивы будочника, фонаря и лампы, которые своим светом обманывают проходящих по Невскому проспекту. Мотив фонаря встречаем несколько раз в повести: «Нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице её подобие улыбки» (Гоголь 1966: 16), потом позже, уже в конце повести «далее, ради бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо» (там же: 44) и «кроме фонаря всё дышит обманом» (там же: 44). Данный мотив создаёт загадочное и таинственное настроение.

В повести появляется и мотив демона и какой-то демонической силы, которая способствует искажению города и она виновата в беспорядке и дисгармонии пространства. Демоном можно считать упомянутого выше «будочника», зажигающего фонарь, цель которого «нарушить божественную гармонию и превратить мир в подверженный метаморфозам хаос» (Волоконская 2011: 46). Алена Владимировна Скрипник (2013) в своей статье *Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя* совокупность таких мотивов в *Невском проспекте* называет инфернальным началом. Сходно с этим самое пространство в повести является открытым в смысле незащищённости от вмешательства каких-то иных, демонических сил, находящихся внутри города и влияющих на его жителей и их поведение.

По мнению Марии Викторовны Трухиной (2014) роскошь Невского проспекта в начале повести, заманивает, лжет и обводит вокруг пальца, а его ложь разрушительна и

она убивает. «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект» (Гоголь 1966: 44). В соответствии с этим тезис Суркова (2011), что в литературе утвердилось мнение, что Петербург в восприятии Гоголя город зла. Петербург является не просто фоном, на котором развиваются сюжеты гоголевских произведений, а самостоятельным литературным героем (Завьялова 2012). И сам Невский проспект является одним из персонажей анализируемой мною повести, даже главным персонажем, который живёт своей жизнью, у которого свой характер и свои привычки. Но, важно принять во внимание то, что значительную роль в определении города играют именно его жители и наоборот – город определяет их. «Итак, город и человек (герой) вступают во взаимодействие друг с другом. Что-то в городе обращено прямо к человеку, его чувствам и сознанию» (Виноградова 2011: 75). Персонажи как будто являются заложниками города и все их действия мотивированы пространством – Петербургом. Юрий Лотман (1988) подтверждает, что поведение персонажей в значительной мере связано с пространством, в котором они находятся. Для *Петербургских повестей* в общем-то является важной проблема соотношения героя и окружающего его пространства.

В самом начале повести описываются проходящие по Невскому проспекту люди: дамы, чиновники, гувернеры, губернские регистраторы и секретари. Важной оказывается иерархия и ранги, к которым люди проходящие по Невскому проспекту принадлежат. Как будто каждый день происходит выставка чиновников, гувернеров и дам и как будто существует своего рода расписание, по которому люди появляются на Невском проспекте. Невский проспект представляет собой своего рода модную стезю.

В это благословенное время от 2-х до 3-х часов пополудни, которое может назваться движущуюся столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой – греческой прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая – пару хороших глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая – ножку в очаровательном башмачке, седьмой – галстук, возбуждающий удивление, восьмой – усы, повергающие в изумление (Гоголь 1966: 11).

Здесь очень важной характеристикой Невского проспекта является его прямолинейность. Всё на Невском проспекте происходит по определённому порядку, то есть по нему можно идти только прямо, можно идти только таким способом каким он

позволяет. «Прямая Невского проспекта координирует маршрут пешеходов: по нему можно идти только прямо (почты строим!)» (Эмирова 2010). Здесь тоже обнаружена власть пространства над жителями, которые ведут себя так, как им город позволяет. Именно поэтому Юрий Лотман (1988) жителей Петербурга называет людьми-куклами. Куклами, то есть людьми-марионетками жителей Петербурга так же называет и Алена Скрипник в своей статье *Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя*. Когда речь идёт о куклах в повести *Невский проспект*, прежде всего имеем в виду две кукольные концепции – манекен и автомат. На первом плане оказываются одежда и аксессуары персонажей, то есть их внешний вид, поэтому говорим о манекенной концепции. «На Невском проспекте люди уподобились манекенам, выставленным в витринах магазинов, и стремятся затмить их и друг друга совершенством своего облика» (Скрипник 2013: 33). Но, на самом деле, манекены не предназначены для игры, так как их функция только украшение интерьера, а украшение по форме прекрасное, а по содержанию мертвое, другими словами, персонажи «не живут подлинной жизнью, а лишь играют в жизнь, заменяя основные человеческие чувства, эмоции и жесты наигранными и пошлыми шаблонными движениями» (Скрипник 2013: 36).

Петербургское пространство неоднозначно. Л. А. Эмирова (2010) Петербург называет потерянным носом майора Ковалёва, главного героя повести *Нос*, которая так же является частью сборника *Петербургские повести*, потому что он представляет собой и своё и чужое, живущее своей отдельной судьбой. Петербург – «это целый мир в собственной системе координат, способный меняться в зависимости от субъекта восприятия и его степени включенности в данную систему» (Завьялова 2012: 731) и «в зависимости оттого, кто попадает в его пределы, этот город изменяет свой облик и каждому сулит (только сулит) все, что этот каждый захочет» (Летин 1998: 41). Например, для Пирогова Петербург оказывается настоящим городом, городом который выполняет все его желания, но для Пискарева, который не принадлежит петербургскому обществу и миру, Петербург оказывается ложным и мнимым и, поэтому он больше не знает что реальность, а что мечта.

Искажение реальности петербургского пространства «Невского проспекта»

Татьяна Александровна Волоконская (2011) проанализировала превращения реальности Петербурга и Невского проспекта, которые происходят в повести. Реальность Невского проспекта подвержена превращениям, осуществление которых происходит через категории пространства и времени, путающихся между собой. «Столица отныне – не место, а время, причем вполне определенный временной промежуток с конкретным началом (2 часа пополудни) и конкретным концом (3 часа пополудни)» (там же: 49). Что касается категории пространства в *Невском проспекте*, оно «искажается самым причудливым образом: меняются пропорции людей и предметов, вещи переворачиваются вверх дном, падают с отведенных им мест, мир вокруг гоголевских персонажей выгибается и ломается, словно отражение в кривом зеркале» (там же: 47). Как уже отмечено выше, время сумерек играет важную роль в повести, а так же оказывается важным для превращений, поскольку большинство превращений пространства *Невского проспекта* случается после наступления сумерек. Именно во время сумерек Пискарев встречает красивую незнакомку и «в раздробленность и статичность мира Невского проспекта вдруг врываются быстрый бег и всегда связанные с ним у Гоголя текучесть неподвижных предметов, расширение границ, замыкающих пространство» (Лотман 1988).

Тротуар несся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз. И всё это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки (Гоголь 1966: 16).

Пространственные метаморфозы выражены не только в виде изменения пропорций и размера архитектурного облика Петербурга, а и в виде определённых деталей пространства, которые неожиданно возникают перед героем и исчезают на глазах: «он даже не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом» (Гоголь 1966: 17), «дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолевать его, уже комната начала исчезать» (там же: 20). Мир *Невского*

проспекта – двойной мир, в котором каждая ложь может быть принята как истина и наоборот. Искажение реальности выражено и тенденцией замены «есть» на «кажется», которое является одним из самых частых слов в повести (Эмирова 2010).

Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившиеся перед строящеюся церковью, судят об архитектуре ее? – Совсем нет: они говорят о том, как странно сели две вороны одна против другой. Вы думаете, что этот энтузиаст, размахивающий руками, говорит о том, как жена его бросила из окна шариком в незнакомого ему вовсе офицера? – Ничуть не бывало: он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафайета (Гоголь 1966: 44).

Временные фрагменты накладываются друг на друга и часто совпадают в одной точке. Это обнаружено в предложении «как чисто подметены его тротуары и, боже, сколько ног оставило на нем следы свои!» (Гоголь 1966: 8). В один и тот же момент существуют «настоящее с чисто выметенными тротуарами и какое-то (судя по всему, повторяющееся) прошлое, в котором остались следы прошедших по проспекту» (Волоконская 2011: 48). Искажение категории времени выражено через календарь, то есть календарь повести отличается от общепринятого календаря. «В три часа – новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых виц-мундирах» (Гоголь 1966: 12). Здесь обнаружено, что господствующий сезон на проспекте зависит от того, который час. Временные и пространственные категории начинают путаться между собой и накладываться друг на друга и столица является не местом, а временем с конкретным началом и конкретным концом, то есть с началом в два часа пополудни и концом в три часа пополудни (Волоконская 2011).

Очень интересным видом искажения реальности является появление персонажей Шиллера и Гофмана, которые, в действительности, не являются известными писателями, а жестянщиком и сапожником.

Перед ним сидел Шиллер, не тот Шиллер, который написал «Вильгельма Теля» и «Историю Тридцатилетней войны», но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера (Гоголь 1966: 35).

Учитывая все эти искажения реальности, которые происходят в художественном пространстве *Невского проспекта*, по словам Т. А. Волоконской (2011), на Невском проспекте происходит «черт знает что». Литературовед и исследователь поэтики Гоголя Юрий Владимирович Манн (1988) это явление в поэтике Гоголя называет логикой

обратности, то есть случается то, что всё происходит наоборот по отношению к тому как должно было бы быть. Сходно с этим, мир Петербурга, то есть мир *Невского проспекта* мы могли бы назвать миром-наизнанку.

Неожиданное превращение незнакомой брюнетки в проститутку разрушает все надежды и романтические мечтания Пискарева. Он не воспринимает всё, что произошло как факт реальности и пытается изменить эту реальность, чтобы она соответствовала его восприятию мира. Поняв, что мечта не соответствует действительности и, что действительность искажена, он гибнет. «О, как отвратительна действительность! Что она против мечты?» (Гоголь 1966: 26). Противопоставление реальности и мечты здесь играет большую роль. Можно сказать, что реальность и мечта, сон и явь смешиваются друг с другом, происходит столкновение мечты с реальностью, то есть «Гоголь развивает [...] принцип параллелизма фантастического и реального» (Манн 1988: 70).

Герои «Невского проспекта»

Ольга Шурупова (2014) «петербургский текст» называет важнейшим феноменом русской литературы. В «петербургском тексте» проявляется противопоставление «маленького человека» и большого города характерно для отечественной культуры. Развитие русской отечественной культуры определялось именно диалогом между властью и художником, то есть властью и русским человеком. Так же важно отметить, что в общем-то образы «маленьких людей» специфичны именно для русской литературы. «Петербургский текст» русской литературы строится на идее бунта человека против города, символа деспотического государства.

Практически во всех текстах, входящих в данное культурно-системное единство, появляется трагический, неразрешимый конфликт между героем Петербургского текста, ничем не примечательным человеком, мечтающим о личном счастье, и грозным, зловещим городом, всех жителей которого неминуемо ожидают страдания и скорби, так что они либо погибают, либо с честью переносят выпавшие на их долю испытания (Шурупова 2014: 30).

Читая этот отрывок из статьи Шуруповой, на ум приходит один из главных героев *Невского проспекта* – Пискарев. Вся повесть построена на противопоставлении двух главных героев – художника Пискарева и майора Пирогова, поэтому М. В. Прасковьяна

(2009) в своей статье образы главных героев анализировала с точки зрения дифференцирующей функции границы, которая одновременно различает и соединяет героев, а их сходство заключается в том, что они оба терпят неудачу в своем предприятии. Юрий Манн (1988) отмечает, что Пискарев и Пирогов представляют собой два противоположных полюса человеческой природы – мечтательность и практицизм, то есть романтизм и материализм, при чём Пискарев представляет собой мечтательность и романтизм, а Пирогов – практицизм и материализм. Пискарев является восторженным мечтателем, а Пирогов – воплощением пошлого обывательского самодовольства (Сокурова 2010). Различие между героями видно в самом начале повести, когда Гоголь вводит их в повесть. Они введены различно, «Пирогов сразу назван по фамилии, а Пискарев – без фамилии, по описанию одежды» (Прасковьяна 2009: 785), точнее, фамилия Пискарева впервые упоминается только несколько страниц спустя. «Стой! – закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще» (Гоголь 1966: 13). Центральным моментом описания героев является мотив принадлежности, то есть непринадлежности обществу Петербурга. Пискарев совсем не принадлежит миру Петербурга и не является частью его общества, потому что «мыслящий и чувствующий человек, который сохранил в душе нечто подлинное и человеческое, не может мириться с бездуховностью, развращенностью, которыми одрежим Петербург и погибает» (Сичинава 2014: 24).

Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление и столько же принадлежит гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру. [...] Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где всё мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и её небо: напротив того, это большей частью добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий тихо своё искусство,.... [...] Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух (Гоголь 1966: 14-15).

Читая данный отрывок из повести *Невский проспект*, можно заметить, что герои представлены в повести не сами по себе, а «как бы лишены индивидуальности, являются не самостоятельными личностями, а представителями определённой группы и их судьбы, следовательно, не являются по замыслу автора исключительными»

(Прасковьяна 2010: 787). Непринадлежность Пискарева обществу Петербурга выражена и в части повести, в которой речь идёт о сне, в котором Пискарев пытается поговорить с незнакомкой, которую встретил на Невском проспекте. Во сне он встречает препятствие в виде толпы именно, потому что он не является частью общества, которое окружает его, то есть «общество встает на его пути, отталкивает от себя, как не принадлежащего большинству» (Прасковьяна 2009: 785). И совсем наоборот, Пирогов вписан в общество Петербурга «и является неотъемлемой частью его» (там же) и не встречает никакой преграды по отношению к блондинке. Пирогов принадлежит обществу офицеров, которое описывается в *Невском проспекте*. Гоголевский урбанизм характеризует «изображение писателем молвы как составляющей жизни города, что проявляется в интересе к различным городским историям, которые дают пищу для слухов и толков» (Кривонос 2007). Членов того общества, к которому принадлежит Пирогов, объединяют формы общения и способ проводить время. По мнению Владислава Шаевича Кривоноса (2007) устная словесность занимает важное место в *Петербуржских повестях*, в том числе и *Невском проспекте*. Талант Пирогова рассказывать истории обозначает, что он вписан в общество Петербурга и приобщает его к традиции городского говорения.

Умел очень приятно рассказать анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Впрочем, оно несколько трудно перечесть все таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Он любил поговорить об актрисе и танцовщице, но уже не так резко, как обыкновенно изъясняется об этом предмете молодой прапорщик. Он был очень доволен своим чином, в который был произведен недавно, и хотя иногда, ложась на диван, он говорил: «Ох, ох! Суета, всё суета! Что из этого, что я поручик?» Но втайне его очень льстило это новое достоинство; он в разговоре часто старался намекнуть о нем обиняком, и один раз, когда попался ему на улице какой-то писарь, показавшийся ему невежливым, он немедленно остановил его, и в немногих, но резких словах дал заметить ему, что перед ним стоял поручик, а не другой какой офицер (Гоголь 1966: 34).

Способность говорить о небывалом как о достоверном так же ценится в петербургском обществе, то есть «готовность поверить в то, о чем говорят, служит у Гоголя условием бытования в городе устных историй о фактах и событиях, вероятность которых может показаться сомнительной» (Кривонос 2007).

Женские образы петербургского текста

Маргарита Витальевна Прасковьяна (2009) в своей работе *Граница в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»* говорит о женской топике в *Петербуржских повестях*. По её мнению Петербург считается городом-блудницей, поскольку в повести *Невский*

проспект женская сущность города выражена в одноимённой улице, репрезентирующей ложь и обман. В начале повести стоит: «Чем не блесит эта улица – красавица нашей столицы!» (Гоголь 1966: 7). Невский проспект назван красавицей, а красивая незнакомка, встреченная Пискаревым, убеждает нас в том, что красота обманывает и красавицам нельзя верить.

По мнению Ольги Шуруповой (2014) особенно трагичным являются судьбы героинь петербургского сверхтекста. Типы героинь «петербургского текста» разделяем на две группы. К первой группе принадлежат героини, репрезентирующие падших женщин, то есть проституток, торгующих собой, чтобы выжить в Петербурге, а ко второй группе принадлежат зловещие старухи. Нам особенно интересной является героиня проститутка, поскольку именно такой тип героини встречаем в анализируемой мною повести. Так же, образ женщины-грешницы является совсем распространённым не только по отношению к «петербургскому тексту», но и русской литературе в общем. Образ женщины-грешницы, то есть образ проститутки, это всегда «образ женщины, торгующей прежде всего своей душой» (Заугарова 2015: 21). Город ещё раз выполняет главную роль в определении судьбы жителей, точнее героинь, оказывающихся жертвами бесчеловечного города. Те женщины-грешницы, являющиеся героинями петербургского текста, «вынуждены торговать собой, чтобы выжить в Петербурге, где они совершенно одиноки и никого не интересуют их страдания» (Шурупова 2014: 122).

Подавляющее большинство женских героинь «петербургского текста», репрезентирующих падших женщин, описаны как загадочные, красивые, привлекательные. Той же группе загадочных, красивых и привлекательных героинь «петербургского текста» принадлежит и героиня *Невского проспекта* – незнакомка, которую встречает Пискарев. «Об ней, о той, что с темными волосами. И какие глаза! Боже, какие глаза! Всё положение и контура, и оклад лица – чудеса!» (Гоголь 1966: 13). Интересным является то, что для всех прочих эта женщина, красивая незнакомка, видится в однозначном реальном свете, а только в сознании Пискарева существует образ прелестного существа, «которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда» (там же: 14).

Заключение

Петербургский свертхтекст, мироощущение которого выражено в *Невском проспекте*, повести Николая Васильевича Гоголя, является истинным феноменом русской литературы. В Петербурге *Невского проспекта* всё странно, всё наизнанку, а на самом Невском проспекте, по словам Волоконской (2011), происходит «чёрт знает что». Мир повести – мир, в котором «жизнь гибнет, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром» (Топоров 2003: 27) и, поэтому «благородный гибнет, пошлый живет и благоденствует» (Манн 1988: 392).

Пространство *Невского проспекта* населено людьми-марионетками, нитками которых управляет сам Петербург. Именно вечная борьба между «маленьким человеком» и большим городом, то есть отрицательная природа взаимоотношения петербургского пространства и героя являются важными особенностями «петербургского текста». Пискарев и Пирогов во многом отличаются друг от друга, но их сходство заключается в том, что оба бывают заложниками города. Пискарев не выдерживает циничности мира и гибнет, а Пирогов вписывается в то общество чиновников и гувернеров, признаком которого выступают ложь и обман и, поэтому выживает. Инфернальное начало протягивается через всю повесть посредством мотивов демона, фонаря и заманчивого света, и напоминает читателю, что речь идёт о чуждом пространстве, о квазипространстве, где «не царствует природно-человеческое (в гармонии с Богом)» (Виноградова 2011: 75).

В итоге, в Петербурге *Невского проспекта*, всё возможно, кроме истины и добра. Он живёт своей жизнью, у него собственные правила, которым нельзя противодействовать, иначе его жители обречены на смерть. Это настоящее доказательство, что мир Петербурга «сошёл с ума» (Прасковьяна 2009: 786).

Список литературы

- Виноградова, О. А. 2011. *Особенности организации художественного пространства в Петербургском тексте русской литературы*. В: «Вестник ЮУрГУ». Серия: Лингвистик. Знамя №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-hudozhestvennogo-prostranstva-v-peterburgskom-tekste-russkoy-literatury>. Дата обращения: 17. сентября 2020 г.
- Вовна А. В. 2010. *Проблема «Петербургского текста»: современные подходы*. В: «Вестник КГУ». Знамя №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-problem-of-petersburg-text-modern-approaches>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Волоконская, Т. А. 2011. *Странности времени и пространства: на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»*. В: «Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика». Знамя №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannosti-vremeni-i-prostranstva-na-materiale-povesti-n-v-gogolya-nevskiy-prospekt>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Гоголь, Н.В. 1966. *Невский проспект* В: Собрание сочинений. Москва: Издательство «Художественная литература», 7-44
- Завьялова, И. А. 2012. *«Петербургские повести» Н. В. Гоголя: гротеск в изображении «Странного города»*. В: «Известия Самарского научного центра РАН». Знамя №2-3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskie-povesti-n-v-gogolya-grotesk-v-izobrazhenii-strannogo-goroda>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Заугарова, Е.П. 2015. *Типология женских образов в «петербургском тексте» конца XVIII - начала XX вв.* В: «Евразийский Союз Ученых». Знамя №4-9 (13). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-zhenskih-obrazov-v-peterburgskom-tekste-kontsa-xviii-nachala-xx-vv>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.

- Кривонос, В. Ш. 2007. *Городской фольклор в повестях Гоголя*. В: «Новый филологический вестник». Знамя №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoy-folklor-v-povestyah-gogolya>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Летин, В. А. 1998. *Рай. Улица Счастья, Гоголю. (Место и роль города в творчестве Н. В. Гоголя)*. В: «Ярославский педагогический вестник». Знамя №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ray-ulitsa-schastya-gogolyu-mesto-i-rol-goroda-v-tvorchestve-n-v-gogolya>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Лотман, Ю.М. 1988. *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. Москва: Просвещение.
- Манн, Ю. В. 1988. *Поэтика Гоголя*: 2-е изд., под ред. И. Михайлова. Москва: Художественная литература
- Полещук, Л. З. 2008. «*Петербургский текст*» и петербургский миф в концепции В. Н. Топорова. В: «Вестник КГУ». Знамя №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskiy-tekst-i-peterburgskiy-mif-v-kontseptsii-v-n-toporova>, Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Прасковьяна, М. В. 2010. *Граница в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»*. В: «Известия Самарского научного центра РАН». Знамя №3-3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/granitsa-v-povesti-n-v-gogolya-nevskiy-prospekt>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Сичинава, Н. Г. 2014. *Особенности репрезентации концепта «Петербург» в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»*. В: «Lingua mobilis». Знамя №3 (49). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reprezentatsii-kontsepta-peterburg-v-povesti-n-v-gogolya-nevskiy-prospekt>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.

- Сокурова, О. Б. 2010. *Н. В. Гоголь: слово о художнике (на материале «Петербургских повестей»)*. В: «Культурная жизнь Юга России». Знамя №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-v-gogol-slovo-o-hudozhnike-na-materiale-peterburgskih-povestey>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Скрипник, А. В. 2013. *Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя*. В: «Вестн. Том. гос. ун-та». Знамя №376. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kukly-i-kukolnogo-teatra-v-povesti-nevskiy-prospekt-n-v-gogolya>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Сурков, Е. А. 2011. *Гоголь и натуральная школа: реплика*. В: «Вестник КемГУ», Знамя №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gogol-i-naturalnaya-shkola-replika>, Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Топоров, В. Н. 2003. *Петербургский текст русской литературы: избранные труды*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ»
- Трухина, М. В. 2014. *Гармония природы и природный хаос в художественном мире Н. В. Гоголя*. В: «Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки». Знамя №1 (29). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/garmoniya-prirody-i-prirodnyy-haos-v-hudozhestvennom-mire-n-v-gogolya>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Шурупова, О. С. 2014. *Ключевые типы героинь Петербургского текста русской литературы*. В: «Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина». Знамя №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-tipy-geroin-peterburgskogo-teksta-russkoy-literatury>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.
- Шурупова, О. С. 2014. *Образ «Маленького человека» в Петербургском и Лондонском текстах*. В: «Вестник Череповецкого государственного университета». Знамя №4 (57). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-malenkogo-cheloveka-v-peterburgskom-i-londonskom-tekstah>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.

Эмирова, Л. А. 2010. *Петербургские повести Н. В. Гоголя: новый петербургский миф*. В: «Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина». Знамя №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskie-povesti-n-v-gogolya-novyy-peterburgskiy-mif>. Дата обращения: 15. сентября 2020 г.

Эмирова, Л. А. 2014. «Петербургский текст» А. А. Бестужева и Н. В. Гоголя: от эмблемы к символу. В: «Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки». Знамя №4 (29). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskiy-tekst-a-a-bestuzheva-i-n-v-gogolya-ot-emblemy-k-simvolu>, Дата обращения: 15. сентября 2020 г.

Sažetak

U ovom radu analizira se koncepcija Peterburga u noveli Nikolaja Vasil'eviča Gogolja *Nevskij prospekt*. Novela je dio zbirke *Peterburške pripovijesti* te se ubraja u djela „peterburškog teksta“ ruske književnosti, u okvirima kojega se, prije svega, obrađuje tematika borbe između „malog čovjeka“ i velikoga tiranskog grada. Glavni junaci novele su Piskarev i Pirogov, a uz njih i sam Nevskij prospekt. Zadivljenost glavnom ulicom Peterburga na početku novele u potpunosti se suprotstavlja razočarenju ulicom na kraju, kada postaje jasnim da ona zavarava i laže, obmanjuje i provocira, baš kao i nepoznata ljepotica koja zaluđuje Piskareva. Peterburg *Nevskog prospekta* ima vlast nad svojim stanovnicima. U njemu je sve moguće osim istine i dobra.

Ključne riječi

„peterburški tekst“ ruske književnosti, „mali čovjek“, slika grada, Peterburg

Ключевые слова

«петербургский текст» русской литературы, «маленький человек», изображение города, Петербург

Životopis

Lea Crnobrnja rođena je 10. listopada 1997. godine u Zagrebu. Odrasla je u Ivanić-Gradu, gdje je završila osnovnu i srednju školu. Od 2012. do 2016. pohađala je Srednju školu „Ivan Švear“, smjer opće gimnazije. Uz osnovnu i srednju školu pohađala je i Osnovnu glazbenu školu „Milka Trnina“. Godine 2016. upisuje dvopredmetni studij ruskog jezika i književnosti te pedagogije na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Godine 2019. završila je preddiplomski i upisuje diplomski studij pedagogije.